

Александр
Матюников

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
О РОССИЙСКИХ ОФИЦЕРАХ

СПЕЦНАЗ
ЧЕСТЬ ИМЕЮ

ВЫЖЖЕННЫЙ ПЛАЦДАРМ

Тамоников. Честь имею

Александр Тамоников
Выжженный плацдарм

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Выжженный плацдарм / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2016 — (Тамоников. Честь имею)

ISBN 978-5-699-92055-6

Февраль 2015 года. Период наиболее ожесточенных боев под Донецком и Луганском. Армия Украины нанесла внезапный удар по штабу объединенной группировки ополчения, захватила блокпост и прорвалась в глубь Донбасса на два десятка километров. Капитану Нестеренко, командиру штурмовой роты ополчения, приказано отбить у противника блокпост и тем самым замкнуть окружение украинских подразделений в «котле». Выполнить приказ удалось быстро и с минимальными потерями. Но рано было праздновать победу. С дьявольской одержимостью бойцы ВСУ принялись вырываться из окружения через горловину, которую как раз и удерживала рота Нестеренко... Книга также вышла под другим названием: «Дьявольский котел».

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-92055-6

© Тамоников А. А., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	24
Глава 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Александр Александрович Тамоников

Выжженный плацдарм

*Все изложенное в книге является плодом авторского воображения.
Всякие совпадения случайны и непреднамеренны.*
А. Тамоников

© Тамоников А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

Глава 1

– Замри! – придушенно прошептал Андрюха Фомин, и Олег Нестеренко застыл, прижавшись к облупленной стене бойлерной.

Ощущения были не самые жизнерадостные. К прочим неприятностям добавилась судорога в ноге. Она ползла по лодыжке и уже всерьез беспокоила.

– Чего ногой трясешь? – зашипел Фомин. – Не забывай, что мы проникли на секретный объект, и если нас засекут, то поставят к стенке. Замри, говорю, диверсант недоделанный!..

Они стояли неподвижно, сливаясь со стеной. Была тихая, безветренная ночь. Луну прикрыли перистые облачка, и ее свет поблек. По округе растекалось лишь бледное мерцание. Из полумрака выплывал голый кустарник, горы мусора, дырявая решетчатая ограда, за которой возвышался двухэтажный «секретный объект». В отличие от окрестных частных домов, в этом здании кое-где за шторами поблескивал свет. Городок Любавино, расположенный на стыке двух беспокойных восточно-украинских областей, мирно спал.

«Как романтично, – подумал Олег. – Ночь, бойлерная, ограда. Два дня без обстрелов. Судьба нас просто балует».

В начале февраля было как-то нежарко, особенно ночью. Впрочем, зима в этом году на Украине выдалась странная. Снег поспешил растаять еще в январе и только в затененных местах кое-где оставался в виде черных горок. Температура круглосуточно держалась в районе ноля. Но все равно это было не лето, дули промозглые ветра, временами хлестал дождь, переходящий в мокрый снег.

Послышалось отрывистое покашливание. По дорожке вдоль ограды прошли двое часовых с автоматами. Оба помалкивали, видно, наговорились уже. По сторонам они тоже не смотрели, прошли в каком-то метре от «диверсантов», слившихся с бойлерной. И это правильно. Не стоит растрачивать бдительность по пустякам. Объект не столь уж и важный.

– Снимем лоботрясов? – прошептал Фомин, когда автоматчики удалились на безопасное расстояние.

Он как-то странно вздрагивал. Присмотревшись, Олег обнаружил, что товарищ давится смехом, насилиу сдерживается. Нестеренко тоже ощутил какой-то спазм в горле.

«Что я тут делаю? – подумал Олег. – Ладно, Андрюха Фомин – двинутый на всю башню, авантюрист, выпьет триста коньяка – и море по колено, а я-то куда? Не шалопай, серьезный человек, здравый смысл иногда проблескивает».

– Ладно, пусть живут, – отказался от затеи товарищ. – Стоим дальше, осуществляем негласное наблюдение.

Часовые повернули за угол и скрылись из вида.

– Пошли, – сказал Фомин и оторвался от стены.

– А без этого никак? – Олег в эту ночь был живым собранием сомнений и противоречий.

– Увы, дружище, обязательно к исполнению. Да ладно, это не самое страшное, в бою и похуже бывало.

Два темных силуэта выскользнули из-за угла, миновали ограду, живописно раскуроченную сентябрьским артобстрелом, и заспешили к заднему крыльцу. Их никто не засек. Районная больница, временно оборудованная под госпиталь, мирно спала. Дверь была открыта, Нестеренко и Фомин прошли в узкий неосвещенный тамбур.

Андрей чертыхался, пытаясь зажечь фонарь, в итоге отчаялся справиться с ним и заявил:

– Дьявол!.. Что ни делается, все в Китае.

Олег включил фонарик на сотовом телефоне.

Заскрипела тяжелая дверь, из черного коридора пахло карболовой кислотой и еще чем-то удушливым, непонятным и неприятным. Палаты с пациентами находились в соседнем

крыле. Можно было представить, какие запахи гуляли там, в царстве осколочных и пулевых ранений, ампутированных конечностей и тому подобных пособий для студентов-медиков.

– Ребята, да у вас тут смертью пахнет, – пробормотал Фомин, зажимая нос. – Вперед, Олежа, счастье рядом, направо по коридору.

Они прокрались до угла, повернули. Справа простирался еще один коридор с экономным освещением и прочими атрибутами заштатной районной больницы. Кругом все спокойно.

В принципе оно и понятно. Несколько дней на фронте царит подозрительное затишье, нет ни раненых, ни убитых. По обе стороны от разграничительной линии наблюдается мышиная возня, враждующие стороны к чему-то готовятся.

У стола, утопленного в нишу, кто-то приглушенно бубнил. Заскрипел, отодвигаясь, стул, послышалось кряхтенье. Товарищи отступили в коридор, затаились в неосвещенной зоне. В нише что-то упало, женщина глухо ругнулась, скрипнул выдвижной ящик.

– Выходи, чудище рогатое! – утробно прошептал Фомин.

Олег прыснул, но успел зажать рот. Он сам начинал заражаться этой бессмысленной авантюрой. Раз мы живы, то нервы можем щекотать не только на войне. Ладно, разберемся. Как говорится, вдвойне вкусней, если ночью и нельзя! И вообще, все фигня по сравнению с мировым Майданом!

Дежурная по крылу – неповоротливая плотная особа – покинула пост и, прихрамывая, двинулась по коридору. Слава богу, что в другую сторону! Шарканье затихло. Две тени устремились туда же, свернули в тупиковую ветвь коридора, проникли в помещение, в котором не горел свет. Фомин замкнул за собой задвижку.

И вот оно – тихое «семейное» счастье! Две дежурные медсестры изнывали от ожидания. Шторы были плотно задернуты, кушетки в разных углах для приличия застелены покрывалами. Девицы ничего, особенно блондинистая, со сногшибательным бюстом и шаловливым огоньком в зеленых глазах.

– А вот и мы! – радостно возвестил Фомин, выставляя на стол пакет. – Заждались, девчонки?

– Что там у тебя, Андрюша? – поинтересовалась смешливая брюнетка Олеся, украдкой окидывая взглядом спутника Фомина. – Как всегда – бутылка водки и пистолет?

Посетители были выпивши – в трезвом виде Нестеренко не подписался бы на такую авантюру, – но в самую меру. Они смотрелись вполне достойно. Оба в ладном камуфляже, начищенных ботинках, с кобурами на поясах. Широкоплечий, плотный в кости Фомин, сияющий добродушной улыбкой. Жилистый, с молодцеватой офицерской выправкой Нестеренко. Оба молодые, чуть за тридцать, щеголи, настоящие гусары.

– Хороши мальчики! – с нескрываемым восхищением протянула блондинка Оксана.

Она лихорадочно переводила глаза с одного на другого и, похоже, пребывала в замешательстве: кого выбрать?!

– Мы такие. – Фомин улыбнулся. – Скромные, обаятельные, великолепные. Ну, что, девочки, будем глазками моргать? Накрывайте на стол, посидим, как говорится, отметим нашу чудесную встречу. – Он хлопнул по столу бутылкой дагестанского коньяка.

Девушки тут же зашипели, прижав пальцы к губам.

– Парни, не шуметь! Вы что?.. – заявила блондинка.

– Это ординаторская, врачей до утра не будет, если ничего не случится. Здесь хорошая звукоизоляция, но все равно не надо кричать. Если Марья Павловна узнает, что у нас гости, такое начнется!.. – проговорила брюнетка.

«Нужно выпить, – твердо решил Нестеренко. – А то чего-то не хватает. Иначе не раскрепоститься».

Подобное поведение было не в его стиле, в отличие от однокашника по харьковскому училищу Фомина, известного ходака по бабам и выпивохи, разумеется, в свободное от службы

время. Олег снимал комнату на улице Гагаринской, в двух шагах от части. Хозяйкой была симпатичная тридцатилетняя женщина Даша Воронцова – вдова, мать не по годам вдумчивого семилетнего Миньки. В последнее время в его отношениях с хозяйкой наметились кое-какие интересные подвижки.

Даша была женщиной застенчивой и деликатной, дров в топку не подбрасывала. Олег тоже не бежал впереди паровоза. Но что-то интересное все-таки происходило, когда они оставались вдвоем. Сегодня Даша дежурила в ночь, ребенка забрала соседка.

Нарисовался улыбчивый Фомин. Приятели оформили маленькую бутылочку коньяка. Служба терпела, на завтра обещался выходной. Хорошо сидели, из ниоткуда возникла вторая бутылка.

Друзья вспомнили училище, после которого Фомин уехал в Питер. Олег же перебрался в Донецк, где успешно женился и так же благополучно развелся. Он служил верой и правдой на благо украинского государства, но весной 2014 года это дело ему смертельно надоело. Он подал рапорт об увольнении, дабы не чувствовать себя предателем, поправшим присягу.

К финалу заговорили о женщинах. Прошлись по Даше, убывшей на дежурство, по пассиям Фомина.

Вдруг Андрюха хлопнул себя по лбу, даже побледнел и заявил:

– Мама дорогая, Олег!.. Такие цыпочки в госпитале пропадают! Я же обещал Оксанке, что забегу! Все, приятель, собираемся, здесь недалеко. Поздравим девушек с грядущим двадцать третьим февраля, посидим. Зайдем по пути на склад, гостинцев сообразим. Только сразу тебя предупреждаю! – Андрюха сделал лицо отпетого заговорщика. – В Оксанку по уши влюблен лично начальник артиллерии объединенной группировки подполковник Стояк Виктор Викторович. Всячески обхаживает ее, навещает, подарки дарит, тащит в кровать. Девочке не очень нравится это внимание – даже фамилия его не особо вдохновляет, но приходится терпеть. Так что будем осторожны. Нам ведь ни к чему гнев вышестоящего начальства, верно? – Фомин заговорщицки подмигнул и продолжил: – А твоя Даша ни о чем не узнает. Мы ей не скажем. Это даже не измена, согласишься, приятель?

Относительная трезвость вернулась к Олегу лишь на улице, но отступать было поздно. Дал согласие – теперь мучайся!

Девчонки попались смешливые и интересные. Пили и не особо пьянели. Ах, мужчины, вы такие обходительные, так красиво подкладываете закуску и подливаете коньяк! Их глаза откровенно смеялись, но компания военных была им абсолютно не в тягость.

Тему подполковника Стояка кавалеры решили не заострять. Дело тонкое. Стоит помянуть черта...

– Андрей, а вы откуда приехали? – спросила черненькая Олеся, а сама украдкой косила глаза на Олега.

Она все делала правильно, то невзначай поправляла сбившуюся прядь, то облизывала губы. А после третьей рюмки как бы не нарочно подвинулась по скрипучей кушетке поближе к Нестеренко, коснулась его плечом. Но он еще не дошел до той кондиции, чтобы отринуть угрызения совести, изгнать из головы лицо женщины, у которой снимал комнату.

– Местный я, Олеся, – небрежно ответил Фомин, а сам поедал глазами умопомрачительные выпуклости Оксаны, которые вдруг, как по щучьему велению, стали еще округлее, а взор ее обрел маслянистость. – Мы с Олешкой из Харькова, учились там, служили. Он в Украине остался, а я уехал на заработки в Россию. Может, слышали про такой маленький портовый городок – Петербург?

Девчонки смеялись. Интеллект у них, возможно, был и не профессорский, но в географии они не плавали и с чувством юмора дружили. Болтали о какой-то ерунде, ели, пили. Олег не налегал, держался в форме, но чувствовал, что уже расслабляется, развязывается язык.

Девчонки говорили о себе. Они окончили медицинские училища – одна в Краснодаре Луганской области, другая в Сумах. Семьи их, слава богу, проживали не в зоне АТО, да и у самих была прекрасная возможность уехать в безопасные районы, но они отказались. Причину опустили. Черт возьми, сегодня не говорим о политике! Да кто-то ведь должен лечить раненых?

Оксана, изрядно захмелев, призналась, что пару лет назад была замужем, но потом у нее случился «выкидыш».

Тут она истерично засмеялась и пояснила:

– Выкинула мужа к чертовой матери, потому что спал с моей родной бесстыжей сестрой!

– Мужчины, а где вы сейчас служите? – спросила Олеся, начинавшая поглаживать Олега по сгибу локтя.

– В украинской разведке, Олеся, – доверительно сообщил Олег.

Медсестра похлопала глазами и засмеялась.

– Служим, Олеся, да еще как, – с сокрушенным видом признался Фомин. – Каждодневно в делах, заботах скорбных. Изнуряем себя постами, молитвами...

– Длительными оргиями, – закончила Оксана.

Все рассмеялись, после чего со страхом уставились друг на друга и приложили пальцы к губам. Но все было тихо, дежурная не беспокоила честную компанию.

– Глуховата Марья Павловна, – объяснила Олеся. – Да и спать очень любит.

Дружеское застолье продолжалось. Оксана уже уселась на колени Фомину, призывно смотрела ему в глаза.

Олеся прижалась к Олегу, и он почувствовал, как от девушки пахнет лекарствами.

Нестеренко деликатно отстранился и пробормотал:

– Прошу прощения, пойду-ка носик по пудрю.

– Ага, внеси свежую струю, – заявил Фомин.

Санузел находился здесь же. Когда Олег вернулся, Андрюха рассказывал злободневный анекдот про «Правый сектор», девчонки заливались смехом.

Нестеренко решил не нарушать их идиллию, отошел к окну, выходящему в заброшенный сад, открыл форточку, закурил. Свежий воздух остудил мозги. Он с жадностью втягивал дым, прислушивался к звукам, доносящимся с улицы. Подозрительно тихо, непривычно. Такое ощущение, будто что-то подспудно назревает.

Он не заметил, как к нему приблизился Фомин. Андрей тоже закурил и выжидающе уставился на Олега. Дескать, пора приступать к главному. Время-то идет...

Медсестры внезапно встрепенулись, занервничали. Женский слух оказался чувствительнее мужского. Оксана выбралась из-за стола, побежала, оправляя халат, к окну, но не к тому, где курили мужчины, а к другому. Комната была угловой, упомянутое окно выходило на дорогу, тянущуюся вдоль парадного крыльца.

Олеся подскочила и выключила свет. Мужчины нахмурились. Оксана отогнула тяжелую штору – необходимый элемент светомаскировки.

Через пару мгновений все четверо сгрудились у окна и увидели, как за оградой напротив калитки остановилась машина. Судя по очертаниям, это был внушительный армейский джип «Дозор». Три такие машины, на которых не успела высохнуть заводская краска, ополченцы отобрали у украинских силовиков под селом Дубки. Транспорт пошел на нужды руководящего состава объединенной группировки.

– Мамоchка дорогая! – Оксана задрожала и шумно выдохнула. – Стояк приехал. Ну зачем? Чувствует, что ли? Честное слово, он не говорил, что сегодня приедет, даже не спрашивал, дежурю ли я.

Мужчины дружно заскрипели зубами. Начальник артиллерии Виктор Викторович Стояк действительно ездил на таком джипе. Все четверо затаили дыхание.

Водитель погасил фары, выключил двигатель. Распахнулась дверца рядом с сиденьем пассажира, из машины выбрался лысоватый сутулый мужчина с горбатым носом.

Подполковник Стояк, будь он трижды неладен в этот поздний час! Дамские угодники в атаку идти не боялись, под минами не гнулись и не молились, а в этой пикантной ситуации вдруг почувствовали себя крайне неудобно.

– Мальчики, валите отсюда, – взволнованно прошептала Оксана. – В коридор, следующая дверь, там подсобка для хранения инвентаря. Олеська, быстро все убираем. Не дай бог он что-то почувствует. Если что, пили в одиночку, девичник у нас.

– Ну, е-мое, как же так? – расстроился Фомин. – Ладно, Олежка, валим быстро. Эх, невезуха!

– Подожди, – буркнул Нестеренко и напряженно всмотрелся во мглу.

Мужчина поднес к уху телефон, на который, наверное, только что поступил вызов. На фоне щербатой стены напротив выделялся хмурый орлиный профиль. Подполковник застыл и слушал собеседника. Потом опустил руку, держащая телефон. Разговор закончился. Стояк выругался в сердцах – даже из-за стекла было слышно крепкое словцо. Он что-то резко бросил водителю и забрался обратно в машину.

Заработал двигатель, вспыхнули фары. Машина сорвалась с места, прорычала мимо окна и растворилась в ночи.

Оксана облегченно проговорила:

– Уехал! Есть же бог на этом свете!..

– Шикарно! – Фомин рассмеялся. – Мы не будем приобщаться к миру швабр и едких химикатов.

Медсестра Олеся вновь прижалась к Олегу, дышала в ухо горячо и недвусмысленно. Но что-то было не так. Подполковник Стояк Виктор Викторович, один из заместителей полковника Юдина, командующего объединенной группировкой сил ДНР и ЛНР, явно прибыл в госпиталь со службы. Домой не поехал, решил навестить свою знакомую медработницу. Значит, ситуация в войсках под контролем, ничего нештатного. И вдруг этот внезапный звонок ему. Что-то случилось? Если так, то отцы-командиры сейчас же поднимут всех.

– Что, господа и дамы, поволновались, протрезвели? – Андрюха Фомин, посмеиваясь, включил свет, осмотрел присутствующих. – Все в порядке, он не вернется в обозримом будущем.

Но дурные предчувствия Нестеренко оправдались. Сначала зажужжал мобильник в кармане у Фомина. Он вздрогнул от неожиданности, как-то попятился, выхватил телефон и уставился на него, как Моисей на неопалимую купину.

Тут же сработал и аппарат Олега. Тот был уже готов к этому и оперативно отозвался.

– Олег, не знаю, где ты находишься, надеюсь, что дома, – прорезался в трубке взволнованный голос заместителя командира роты старшего лейтенанта Вербина. – Дали сигнал к общему построению. Через десять минут все должны быть на местах. Черт возьми, Олег, это не учебная тревога. Приказ перевести подразделения в полную боевую готовность. Похоже, укропы что-то затевают.

– Понял, Славик. – Олег отключился и со стиснутыми зубами уставился на приятеля.

Фомин тоже выслушивал сообщение. Его физиономия сначала побледнела, потом зацвела пунцовыми пятнами, но вслед за этим сделалась абсолютно нормальной – деловой, сосредоточенной. Бесследно испарилось дурковатое выражение, столь необходимое для общения с прекрасным полом.

Пропали герои-любовники. Остались боевые офицеры. Капитан Олег Нестеренко, командир отдельной роты спецназа, подчиняющийся непосредственно командующему объединенной группировкой полковнику Юдину. Капитан Андрей Фомин, командир отдельной танковой роты, стратегического резерва штаба объединенного командования.

– Вынуждены откланяться, девушки, – заявил Фомин и манерно расшаркался. – Срочные дела, служба, так сказать. Но мы еще вернемся, обещаю, и продолжим наши милые посиделки. Пойдемте, коллега, нас ждут дела.

– Идите, мальчики. Мы все понимаем. – Олеся сокрушенно вздохнула. – Удачи вам. Берегите себя.

– Да будь она проклята, эта война! – Оксана чуть не заплакала.
Офицеры ушли.

Глава 2

Затишье над линией фронта было недолгим. В ночь с 4 на 5 февраля пришла в движение неповоротливая машина украинской армии. В час две роты десантно-штурмового батальона из состава аэромобильной бригады внезапно выдвинулись из леса в двух километрах от раздельной линии и оседлали автомобильную дорогу Дубры – поселок Новокольское – город Рудный – село Степановка – город Любавино. Начальная фаза операции проходила успешно. Подошли танки «Т-72», несколько БМП.

Штурмовая группа начала продвижение вдоль дороги и в час тридцать заняла важный блокпост на двадцать пятом километре. Это был не просто заурядный КПП, а настоящий укрепрайон, позволяющий обороняться от врага, атакующего со всех направлений. Шлагбаумы, мощные ограждения, бетонные доты, замысловатая вереница траншей вдоль дороги. Здесь можно было упрятать целый батальон пехоты и артиллерийскую батарею.

Но силы ополчения на посту были незначительными, порядка полусотни пехотинцев с пулеметами и гранатометами. Силовики открыли по посту ураганный огонь. Работали минометы из лесополосы и батарея 122-миллиметровых гаубиц с южной окраины поселка Дубры.

После непродолжительной артиллерийской подготовки десантники пошли в атаку. Сопротивления практически не было – несколько разрозненных залпов и пара гранатометных выстрелов в надежде поджечь головную БМП. Ополченцы отошли по дороге в восточном направлении на двух крытых «ГАЗ-66». Десантники, воодушевленные победой, разбежались по траншеям, заняли позиции за бетонными блоками. Капитан Шелех доложил командованию, что дорога на восток свободна.

И загремела, залязгала железом округа! Крупная воинская группировка вклинилась в район соприкосновения вооруженных сил двух непризнанных республик и устремилась на восток по автомобильной дороге. Танки, грузовики, БМП, БМД, транспортеры с пехотой на броне быстрым маршем шли через захваченный блокпост, устремлялись к селу Новокольскому, до которого было четырнадцать километров. Десантники пошучивали, смеялись. У личного состава было прекрасное настроение.

– Хлопцы, лови момент! Гони ватников! – кричали парни, захватившие блокпост, своим товарищам на танках.

Почти все они были добровольцами, служили по контракту и считали себя истинными украинскими патриотами. Ребята, накачанные пропагандой, искренне верили, что близится переломный момент. Нужно лишь хорошенько всыпать террористам, показать, что значит на деле обновленная украинская армия! Это вам не то полуголодное, полуодетое, необученное воинство, которое в августе гибло в котлах и массово сдавалось в плен. Новая армия обучена лучшими инструкторами, мотивирована, готовая идти до победного конца! За нацию, которая живет и умирает, за принципы свободы и демократии, за европейский образ жизни!

Боевая техника катилась на восток непрерывным потоком. Украинскому командованию удалось в кратчайшие сроки, с соблюдением всех условий маскировки, подтянуть к линии фронта большое количество вооружения и солдат. Сейчас эта машина пришла в движение.

Генералы были уверены в успехе. Вклиниться в район стыка двух непризнанных республик, расширить плацдарм, подтянуть тылы, резервы, расколоть вражескую армию пополам, а затем перейти в наступление по всей линии фронта! Всю ночь стальная армада шла по шоссе, подавляя незначительные очаги сопротивления «террористов». Ополченцы откатывались на восток, избегая контакта с противником. Глупо сопротивляться такой мощи. Разведка украинских силовиков докладывала, что в штабе объединенной группировки ополчения в Любавино царят паника и замешательство.

К четырем часам утра аэромобильная бригада под командованием полковника Сирко заняла поселок Новокольское и все рубежи в окрестностях этого населенного пункта. Соединение было укомплектовано полностью. Два парашютно-десантных батальона по восемьсот человек в каждом, десантно-штурмовой батальон, артиллерийский дивизион, минометная батарея, подразделения боевого и тылового обеспечения.

Небольшой поселок содрогнулся от гула и лязга. Боевая техника прорывалась к центру Новокольского, пехота шла волной, зачищая жилые и административные здания. За час поселок полностью перешел под контроль ВСУ, были заняты все ключевые точки.

На западе от населенного пункта перекрыл автомобильную трассу и занял мелкие окрестные хутора заградительный батальон «Висла» под командованием майора Макара Буйко, укомплектованный исключительно добровольцами из западных областей Украины. Солдаты зарывались в землю, обустраивали пулеметные гнезда. С подошедших «КамАЗов» сгружались бетонные блоки, тягачи растаскивали их по позициям.

Ополченцы отступили без боя, растворились в окрестных лесах. Но не всем удалось уйти. Люди, расквартированные в частном секторе, оказались застигнуты врасплох. Они выскакивали из домов, наспех одетые, отстреливаясь, убегали в огороды. Их забрасывали гранатами, совершенно не беспокоясь, что от осколков гибнут ни в чем не повинные гражданские. Пленных не брали – не до этого. Ополченцев расстреливали на месте и бросали посреди замерзших грядок, в сених, под окнами, из которых они пытались выпрыгнуть.

Часть группировки двинулась дальше, укрепляя позиции вдоль автомобильной трассы Дубры – Любавино. В пять часов утра механизированная бригада заняла позиции вокруг города Рудный и внутри его. Он находился в шести километрах на восток от поселка Новокольское и имел серьезное стратегическое значение благодаря холмам, окружавшим его. Танки «Т-64», «Т-72», самоходные установки «Акация», системы залпового огня «Град» немедленно начали выдвигаться на возвышенности, занимали позиции, с которых открывался вид на село Степановку, занятое ополченцами, и даже дальше – на городок Любавино, где располагался штаб объединенной группировки сепаратистов.

Бригадой и всей группировкой, захватившей плацдарм, командовал генерал-майор Грушко Виктор Николаевич. К шести утра он бодро отрапортовал в штаб АТО, что войска под его руководством вышли на заданные рубежи, противник деморализован и отступил, можно приступать ко второй фазе операции. Инженерная рота спешно оборудовала позиции на высоте, возвышающейся над городом. Именно здесь Виктор Николаевич приказал обустроить выносной командный пункт. Сидеть в городе ему не хотелось, он обязан был находиться на острие бритвы, на передовом рубеже, чувствовать пульс событий!

Командующий группировкой был молод и амбициозен. Тридцать девять лет – самый молодой генерал в украинских вооруженных силах. Сухой, поджарый, со скуластым породистым лицом.

Виктор Николаевич, в отличие от большинства своих возрастных коллег, не был отягощен предрассудками по поводу какого-то химерического братства русских и украинцев, не вспоминал Советский Союз, который распался, когда он окончил седьмой класс в маленьком городке в Ровенской области. Он не считал, что Украина чем-то обязана России. Скорее наоборот. Во всех бедах независимой и самостийной страны повинна именно соседняя держава, агрессор, узурпатор, колосс на глиняных ногах с непомерными имперскими амбициями.

Виктор Николаевич был ярым сторонником единой Украины и вхождения ее в ЕС. Он недолюбливал откровенных нацистов, которых в его стране развелось как собак нерезаных, но считал их вынужденным и даже необходимым злом, во всяком случае, на время переходного периода. Генерал знал, что его части укомплектованы праворадикалами через одного, а в заградительном батальоне «Висла» других и вовсе нет. Он терпел майора Буйко – командира упомянутого батальона, начальника штаба полковника Никитенко, имеющего тесные связи

с руководством «Правого сектора», командира танкового батальона майора Грицяя, солдаты которого в открытую рисовали на броне символы Украинской повстанческой армии.

Виктор Николаевич не любил русский язык и в быту никогда им не пользовался. Однажды он даже выпорол своего сынишку за то, что тот читал книжку на русском. Но генерал был вменяемым командиром, оттого и издал распоряжение: все приказы, рапорты, оперативные донесения, разведсводки и тому подобное должны были составляться только на русском языке. В противном случае начнутся неразбериха, непонимание, разлаженность действий. Следствием этого станет поражение. Подождет державная мова, придет ее час.

Генерал стоял, подбоченившись, на вершине холма и смотрел, как по грунтовкам, петляющим между кустами, взбираются на высоту САУ и танки, расползаются по вершине, встают за укрытиями. Рыча и газуя, подходит тягач, таща за собой прицеп с боеприпасами. У подножия холма выстраиваются в колонну грузовики подразделений боевого обеспечения.

Уже светало. Генерал-майор Грушко пристально разглядывал в бинокль восточные окрестности Рудного. Местность на востоке была относительно равнинная. Вилась между перелесками речушка Вия, скованная тонким льдом. За сосновым бором просматривались крыши села Степановка. К нему вела автомобильная дорога, петляющая между холмами. Это была высота, господствующая над районом. Тот, кто ею владел, контролировал обстановку.

Виктор Николаевич видел, как выдвигаются на рубеж у подножия холмов две роты механизированного батальона, солдаты закапываются в землю, подходят грузовики с боеприпасами и личным составом. На востоке все было нормально. Рубеж взят!

Он обернулся. С обратной стороны холма, в покато́й долине, лежал шахтерский город Рудный – депрессивный населенный пункт, 15 тысяч жителей, а сейчас и трех, наверное, не наберется. Несколько облупленных пятиэтажек, бараки, огромный частный сектор. Промышленных предприятий практически нет, за исключением крупной шахты «Ущелинская», находящейся к северо-западу от городка.

Он внимательно разглядывал в бинокль районы, которые были как на ладони. Из городка доносились разрозненные выстрелы, отрывисто ухали гранаты. В районе школы, окруженной старыми пятиэтажками, поднимались клубы дыма. В частном секторе занимались пожары. Подразделения ВСУ продолжали зачистку.

Генерал видел, как по улицам, лучами расходящимся от здания администрации, вдоль обочин идут люди, заходят во дворы, бросают гранаты в подвалы и гаражи. Виктор Николаевич был немного удивлен. Рудный представлялся ему серьезным укрепленным пунктом, где боевики будут оказывать упорное сопротивление.

Но все оказалось не так. Вражеской техники в городе практически не было. Два танка, стоявшие у здания бывшего райисполкома, гранатометчики подбили сразу. Пехота отошла, стоило лишь боевым машинам майора Грицяя ворваться в западные предместья. Часть повстанцев сбивалась в небольшие группы и с боем пыталась вырваться из города. Кому-то удавалось это сделать. Ничего страшного. И так понятно, что колорады деморализованы. Они не ожидали такого дерзкого хода от украинских войск.

Он всю ночь провел на ногах, уже качался от усталости. Можно отдохнуть, доверить часть работы заместителям. Виктор Николаевич спустился в блиндаж, возведенный саперами в рекордные сроки. Спасибо тракторно-экскаваторной технике с лейблами «Сделано в Германии». Наружные работы еще продолжались – рычал бульдозер, нагребая вал перед траншеей, сутились мокрые от пота военные. Генерал расстегнул утепленную форменную куртку, растянулся на жестких нарах, полежал несколько минут, поднялся, раскрыл позолоченный портсигар. Нет, он не мог бросить на самотек дело, столь важное для карьеры, вышел на улицу, включил радиостанцию.

– Все штатно, Виктор Николаевич, – доложил начальник штаба бригады полковник Влас Давыдович Никитенко. – Здание администрации артиллерия не обстреливала. Оборудуем в

его подвале штаб. На соседней улице еще стреляют – парни завершают зачистку. Ну и городок, скажу я вам!.. – В голосе начштаба обозначились досадливые нотки. – Настоящий рассадник сепаратизма. Население не радо освободителям, прячется. Многие дома пусты. Люди сидят по подвалам. Ну да ничего, скоро мы разберемся, кто тут сотрудничал с преступным режимом, накажем по всей строгости. Слава Украине, Виктор Николаевич. Будут распоряжения?

– Героям слава! – с усмешкой проговорил генерал. – Действуйте по плану, Влас Давыдович. Не забывайте контролировать дорогу. Скоро начнут подтягиваться тылы.

– Связь установлена со всеми подразделениями, – бодро доложил майор Марецкий. – Включая штаб в Дубрах, подразделения аэромобильной бригады в Новокольском и блокпост на двадцать пятом километре. Мобильная сеть неустойчива, на нее лучше не надеяться. По старинке возимся с проводами и радиоволнами. Пещерный век, зато надежно.

– Работайте, майор! – приказал Грушко. – Удачи.

– Занял позиции вокруг шахты «Ущелинская», – отрапортовал командир заградительного батальона «Запад» Семен Шагов, ярый приверженец националистических взглядов. – Два взвода оседлали дорогу, захватили АЗС и склады шахты, в том числе горюче-смазочных материалов. В забое работала ночная смена. Сейчас их подняли на поверхность, проводится проверка на благонадежность.

– Полагаю, предателям несть числа, Семен Григорьевич? – с усмешкой осведомился генерал. – Ты же любишь это дело – выискивать пособников сепаратистов даже в консервной банке.

– Напрасно иронизируете, командир. На шахте были наши люди из числа горняков. Заявляю как на духу – это чертов рассадник. Кругом изменники, включая руководство шахты и всю администрацию. Добытый уголь отправляется в Донецк, хотя у директора есть конкретный договор о поставках в Краматорск. Ничего, мы разберемся.

– Главное, не переусердствуйте, Семен Григорьевич, – проговорил генерал. – Учтите, если на этой шахте станет некому добывать уголь для страны, то вы лично первым полезете в забой.

Затем последовали доклады от остальных подчиненных. Майор Грицай отчитался, что все боевые единицы его танкового батальона стоят на рубежах и готовы к отражению контратаки противника. Боеприпасы подвозятся в срок. Есть небольшая заминка с полевыми кухнями, но не беда. У бойцов высокий моральный дух, могут перебиться и сухим пайком.

Вышел на связь полковник Сирко, командир аэромобильной бригады, оставшейся в тылу, в Новокольском. Поселок и окрестности полностью под контролем, плацдарм расширяется, взяты села Набутово и Пыжма. Бригада рассредоточена вдоль шоссе. Блокпост на двадцать пятом километре контролирует рота десантников под командованием капитана Шелеха. На вооружении ручные пулеметы, станковые гранатометы АГС-17, несколько БМП-2. Окрестности блокпоста планируется затянуть колючей проволокой на случай прорыва диверсантов и установить мины. Кроме того, к югу, в километре в направлении села Ветрово, занятого террористами, оборудован выносной пост. Там размещена зенитная установка ЗУ-23-2 и несет службу усиленное отделение десантников. Блокпост неприступен. Если врагу и удастся к нему прорваться, то на помощь придут части, находящиеся неподалеку.

Все шло по плану, каждый боец знал свое место и был готов к любым неожиданностям. Подполковник Быков доложил, что солдаты его батальона полностью блокировали Рудный, перекрыли все артерии, ведущие в город. Теперь туда и мышь не проскочит.

Майор Ярно сообщил, что его роты рассредоточились вокруг города. Воины окапываются, маскируют боевую технику. Все восточное направление контролируется. В батальоне многие расстроены, что группировка встала и не идет дальше. Ведь до Любавино, где находится логово врага, остаются жалкие двенадцать километров. Танки дойдут за четверть часа. Есть горячие головы, которые кричат, что пора совершить стремительный марш-бросок, накрыть

городок огнем, уничтожить штаб террористов, и будет достигнут решительный перелом в войне! Но он, майор Ярно, не поддерживает такую вот точку зрения своих подчиненных.

– Мы создали плацдарм, с которого теперь хрен сойдем, – проговорил комбат. – Это наш восточный рубеж. Надо удерживать его, ждать подхода подкреплений и готовиться к наступлению. Нужна глубокая эшелонированная оборона. Пока мы лишь растягиваем свои тылы. С чем пойдем на Донецк и Луганск – с моим героическим батальоном? Товарищ генерал-майор, вы знаете, что я не паникер, а солдат, который всегда выполняет приказы, не задумываясь об их глубочайшем смысле. Но кто мне запретит анализировать горький опыт предыдущих кампаний? Мы вклинились в расположение противника почти на двадцать километров. Да, силы у нас немалые, но они растянуты вдоль дороги. Расширять плацдарм проблематично. В районе мало дорог, зато много лесов, да и характер местности сложный. Перерезать дорогу в районе двадцать пятого километра технически трудно, но возможно. Подкрепления не смогут подтянуться в одночасье. Ответственные решения в генштабе принимаются... сами знаете как. Есть предатели и саботажники. Я не хочу сеять смуту, но не напоминает ли вам данная ситуация все то, что уже было перед тем, как наши войска угодили в Иловый котел? Вас не настораживает тот факт, что сепаратисты практически не оказывали сопротивления? Они уходили, не ввязываясь в бой. Лишь кое-где имели место перестрелки и какие-то вялые боестолкновения.

Генерал вспыхнул. Не будь майор Ярно его товарищем, он с удовольствием отправил бы его под трибунал! Как можно сравнивать эти две диаметрально разные ситуации?!

В украинской армии за прошедшие полгода изменилось все! Это уже не та жалкая кучка людей, вооруженных кое-как, эксплуатирующих неисправную технику! Это настоящая обученная армия, прошедшая через горловину сражений, закаленная, поумневшая! Уже нет тех бездарей генералов, на вооружении первоклассная техника, бойцы мотивированы, хорошо экипированы, обучены. В войсках почти нет мобилизованных, в основном добровольцы либо контрактники. Эти люди, может, и не смертники, но готовы идти в бой и драться за украинскую идею!

– Отставить, майор. – Генерал унял гнев.

Без суровой нужды он старался не повышать голос.

– Ты хороший комбат, но хреновый стратег и предсказатель. Кончились времена котлов и поражений, заруби на носу. Мы подтянем резервы и перейдем в решительное наступление. Какой котел, разве к этому есть хоть одна предпосылка? У противника в этой местности фактически нет артиллерии! – Он разъединился и сплюнул от досады.

Долой нерешительность и трусость! Но на душе остался осадок. В одном майор был прав. Уж больно легко этой ночью террористы оставляли позиции. С одной стороны, понятно. Они не устояли бы против такой мощи. С другой, это настоящие фанатики. Сколько было случаев, когда они бились до конца и не в таких безнадежных ситуациях. А тут словно по команде!.. Где гарантия, что в высших кругах полностью извели предателей из числа тех, кто принимает решения? Нет, отставить сомнения!

Сработала рация. На связи был майор Копылов, командир артиллерийского дивизиона, усиленного самоходными установками «Акация» и двумя батареями РСЗО «Град».

– Разрешите доложить, товарищ генерал-майор? – с нажимом начал он. – Все подразделения ствольной и реактивной артиллерии выведены на позиции. Цели определены, орудия полностью укомплектованы боеприпасами. Готовы укрытия на случай ответного огня. Можем начинать, Виктор Николаевич. Майор Грицай докладывает об аналогичной готовности своего танкового батальона. Покажем террористам, где раки зимуют!

Вот он, исторический момент. Генерал почувствовал холодок волнения, пробежавший по спине. В горле перехватило. Он вскинул руку с часами. Семь сорок пять утра. Сегодня воскресенье. Вот вам, суки, выходной день!

– Открывайте огонь, Александр Алексеевич.

Да, такого вот «хода конем» ополченцы явно не ожидали. Мало того что украинские силовики пробились в глубину оборонительной линии аж на двадцать километров, так они еще и закидывали снарядами и минами мирные поселки, не видя разницы между военными и гражданскими объектами! Заговорила вся артиллерия, переправленная на плацдарм, РСЗО, танки. Цели действительно были определены, и стволы ударили по разным направлениям.

Город Рудный был накрыт гулом и грохотом. Жители в панике прятались в подвалы, хотя украинцы стреляли не по ним. Разрывы накрыли все окрестные поселки, где располагались части непризнанных республик.

В селе Шутово, стоящем в десяти верстах к северу от Новокольского, находилась ударная группировка ЛНР – десять установок «Град», шесть «Акаций», танковая рота и две мотострелковые на БМП-2. Штаб группировки располагался далее на восток, в селе Карпухино.

Досталось и ему, но Шутово пострадало больше. Первые же снаряды разнесли вдребезги несколько частных домов, повредили электроподстанцию. В Шутово начались пожары. Вспыхнула жадным пламенем средняя школа, в которой, слава богу, еще не начались занятия. Несколько снарядов разорвались во дворе детсада и оставили на месте игровой площадки груды обломков.

Мины накрыли поселковую администрацию и конюшню племенного завода. Обгоревшему сторожу пришлось выпускать на волю весь табун. Перепуганные кони, испуская дикое ржание, носились по округе.

Горели кооперативные гаражи. Вдребезги разнесло столовую для работников мукомольного комбината. От огня взорвались газовые баллоны на кухне. В селе творился настоящий ад.

Как часто водится в таких случаях, меньше всего пострадали те, против кого это замышлялось. Наспех одетые ополченцы спешно уводили технику за северную околицу села, прятали в балках и перелесках. Пострадали две установки «Град», взлетела на воздух одна «Акация», все остальное людям удалось вывезти из-под удара. Потери в живой силе тоже были минимальные – несколько погибших и раненых.

Поступил непродуманный приказ из Карпухино: в короткий срок выставить технику на боевые позиции и открыть ответный огонь.

– Вы в своем уме?! – орал в рацию командир дивизиона «Градов». – Противник расположил свои орудия и танки рядом с жилыми домами. Мы же посечем к чертовой матери гражданских!

Приказ отменили. А украинские артиллеристы продолжали методично обрабатывать территории, занятые ополченцами. Огненные стрелы неслись от города Рудного во все стороны, раскрашивая оранжевыми бликами светлеющее небо.

В селе Ветрово, отстоящем к югу от блокпоста, оборудованного на двадцать пятом километре, снаряды рвались на улице, валили столбы электропередачи. Жители прятались по погребам, бежали в поле.

В Степановке, находящейся к востоку от Рудного, царило какое-то сумасшествие. Ополченцы ушли из села за пятнадцать минут до обстрела. С ними отправились самые дальновидные жители. Пенсионеры гнали коров, кто-то ехал на велосипеде, обгоняя пешеходов, а на багажнике в корзинке пищал перепуганный кот.

Шквал огня обрушился на село, замершее в тревожном ожидании. Взрывались гранаты, выпущенные из АГС-17, грохотали снаряды, расшвыривая комья земли, обломки деревьев и сельских построек. Дома от прямых попаданий разваливались, как картонные.

Один из снарядов влетел в местную церквушку, пробив дыру в кирпичной стене. От взрыва, ахнувшего внутри здания, обрушился купол. Небольшой, но симпатичный молельный дом превратился в горку дымящихся обломков, увенчанную православным крестом.

Погребя оказались плохими убежищами. Обстрел был невероятно плотным. Село превратилось в перепаханное поле. Люди бежали за околицу, тащили раненых и пожилых родственников, плакали, ругались.

Одновременно огненный смерч ударил по западным районам Любавино. До войны в городке обитало не меньше тридцати тысяч населения, к февралю осталось около восьми. Ожесточенные бои здесь шли во второй половине августа. Тогда Любавино несколько раз переходило из рук в руки. Артиллерию на улицах обе стороны почти не применяли. Дома устояли, хотя на них и остались отметины от пуль и осколков гранат. Мусор с улиц давно убрали, город жил относительно спокойно.

Здесь располагался штаб объединенных сил ДНР и ЛНР. Для жителей это было неплохо. Ведь где начальство, там и снабжение, хоть какое-то. Да и охрана, патрули на улицах. То, что произошло воскресным утром, стало шоком. От взрывов дрожали и лопались стекла в домах. Люди в панике выбегали на улицы.

Пылало дощатое здание дрожжевого завода, построенное в позапрошлом веке. Оно пережило набеги махновцев, Белой гвардии, устояло даже в Великую Отечественную, но было разрушено стараниями своих же «освободителей».

Снаряды попадали в жилые здания, оставляли в стенах зияющие дыры, вышибали оконные переплеты. Мины падали на крыши, пробивали насквозь частные дома, двухэтажные строения барачного типа. Метались редкие прохожие, застигнутые врасплох.

На улице Котовского разорвавшаяся ракета разнесла в клочья остановку общественного транспорта, порвала контактную троллейбусную сеть.

Слава богу, воскресным утром поблизости никого не оказалось.

Но в квартале, расположенном южнее, такая же ракета упала на тротуар рядом с троллейбусом, идущим по маршруту. Машину смяло, искорежило осколками, отбросило ударной волной. В салоне находились пять пассажиров, в основном пенсионеры, все они погибли. Водителю оторвало голову крупным осколком.

На улице Солнечной под удар попал городской рынок, только наполнявшийся продавцами и покупателями. Здесь взорвалось не менее десятка снарядов. Торговые ряды были разбиты в щепки, под развалами дощатых конструкций стонали раненые. Превратились в груды искореженного железа вагончики, в которых торговцы хранили свой товар.

Снаряды попали в железнодорожную станцию, повредили подъездные пути, превратили в металлолом кучку автобусов на привокзальной площади. Взрывы гремели возле штаба объединенной группировки, разместившегося в подвалах какого-то складского комплекса. Мина, протяжно завывая, пробила крышу казарм ополчения в здании бывшего общежития, но никого не убила, поскольку не взорвалась. Зато в районной больнице, переоборудованной под госпиталь, взрывы грохотали, как новогодний фейерверк. Пожарные прибыли на двух машинах, сбивали пламя. Спасатели вытаскивали из-под завалов хирургического корпуса мертвых и еле живых людей.

Обстрел был хаотичный. Укропы лупили куда попало, не заботясь о том, кого убивают.

Выл парень над телом мертвой девушки. Она лежала, раскинув руки, посреди тротуара и изумленно глядела в небо. Из раскроенного черепа на асфальт вытекала багровая масса.

Бледная женщина сидела на том же тротуаре, смотрела на мужа и дочку и не верила своим глазам. Минуту назад семья из трех человек пыталась перебежать дорогу, но не успела даже выскочить на проезжую часть. Мужчина прижимал к себе двухлетнюю девочку, закрывал собой. Их обоих настигло осколками. Женщину эта участь миновала. Ее лишь слегка потрепало ударной волной.

Через пятнадцать минут после начала обстрела ополченцы открыли ответный огонь. Нашлись люди, которые сообщили по сотовой связи координаты основных огневых точек ВСУ. Заговорили «Грады» из леса за северной околицей Шутово. Такая же батарея нанесла ответ-

ный залп из лощин на восточной окраине Любавино. Били танки «Т-72» и гаубицы, заговорили тяжелые минометы.

Безумная дуэль продолжалась еще четверть часа. Обе стороны несли потери. Господствующие высоты на восточных окраинах Рудного плавали в дыму. Техника ВСУ спешно уходила в укрытия. Несколько орудий получили повреждения. Прямым попаданием накрыло установку «Град». Снаряды детонировали, стали с треском взрываться. Разбегались выжившие солдаты, прыгали в окопы.

Танковый батальон майора Грицай спешным порядком отходил в город, чтобы укрыться среди жилых домов. Расчет был верен. По мирным жителям сепаратисты стрелять не стали.

Ответ ополченцев оказался достойным. На какое-то время огонь прекратился. Стороны подсчитывали потери.

Генерал-майор Грушко, засевший в блиндаже, чувствовал раздражение. По данным разведки, в заданном районе у террористов не было большого количества артиллерии. Все же им удалось нанести урон украинской группировке.

Поступали доклады от подчиненных. В батальоне Грицай два подбитых танка. У майора Копылова три орудия выведены из строя, не считая догорающего «Града». Потери у минометчиков, в батальонах Быкова и Ярно. Двенадцать погибших, ровно столько же раненых.

Ничего, главное, закрепиться на плацдарме, а подкрепления уже идут через Дубры и блокпост на двадцать пятом километре. На подходе танковая бригада майора Груздя. В Дубрах разгружается эшелон с отдельным моторизованным батальоном подполковника Бровицкого. Никакого котла не будет. Скоро начнется массированное наступление с целью окончательного рассеяния группировки террористов.

В штабе ополчения в Любавино царил нервозность, но паники не было. Полковнику Юдину Александру Сергеевичу, командующему объединенной группировкой, этой ночью удалось поспать ровно двадцать минут. Только лег, и сразу началось!

У него возникало опасение, что и следующая ночь будет не лучше. Он не покидал штаб, рычал на подчиненных. Связисты, ординарцы и прочие порученцы носились, как машинки на батареях, развивая невероятные скорости.

Со всех концов поступала неутешительная информация. Украинские войска закрепляются на занятой территории, при этом садят во все стороны из всего, что у них есть. Горят Шутово, Степановка, Ветрово. Большие разрушения в Любавино. Тут даже ходить никуда не надо, достаточно подняться на крышу соседней колокольни и глянуть.

На десять утра полковник назначил совещание с командирами. Он стоял над ними, нависший, как скала, злобно покусывал рыжие, топорщащиеся усы, крепко сбитый, рано обросший морщинами, с идеально выбритым черепом. Потом Юдин повернулся к карте, занимающей полстены. Штабные работники уже постарались, зафиксировали на ней все изменения, произошедшие за ночь в оперативной обстановке.

Еще вчера линия фронта была ровно прочерчена с юго-запада на северо-восток. Ключевая точка в стане врага – населенный пункт Дубры с крупной железнодорожной станцией. При фронтовой город, до линии соприкосновения враждующих сторон не больше трех километров. Здесь же на восток проходит автомобильная дорога. Ее отрезок от Дубров до Любавино находился в зоне ответственности ополчения. До прошлой ночи. А теперь противник продвинулся по ней на двадцать километров, захватил Новокольское, Рудный и продолжал наращивать группировку на плацдарме.

Полковник угрюмо смотрел на это «злокачественное образование», выросшее на территории непризнанных республик. Словно средний палец из сжатого кулака! Штабисты постарались, аккуратно обрисовали эту «каплю». Горловина, самое узкое место – блокпост на двадцать пятом километре. По данным разведки, он укреплен так, что не поможет даже бомбежка

с воздуха. Через этот КПП и движутся на восток нескончаемые вереницы танков, грузовиков, бронетранспортеров. Все пространство от двадцать пятого километра до Рудного забито украинскими военными.

Дальше Рудного они не пошли. Это естественно. Им надо подтянуть тылы. Двигаться на юг и на север от шоссе довольно затруднительно. Вокруг леса, а примыкающих дорог почти нет. Поэтому и прет вся армада прямо по шоссе.

Пару раз за утро диверсионные группы ополчения пытались подорвать дорожное полотно, хоть как-то сдержать движение, но украинцы нынче стали грамотными. Дорогу стерегут, как золотой запас. Диверсии не удались. Были жаркие перестрелки, жертвы, раненые. Хорошо, что хоть кому-то удалось раствориться в лесах.

В Рудном и Новокольском тоже ничего хорошего. Гражданская администрация там упразднена, военные берут власть, проходят массовые аресты. Просочилась информация, пока неподтвержденная, что укропы кого-то уже расстреливают. Заблокирована шахта «Ущелинская», горняков не отпускают по домам. Свиристуют добровольцы из заградительных батальонов. Этим наци только волю дай.

Участники совещания молчали. Полковник Юдин продолжал разглядывать карту. «Капля» в длину уже не росла, застыла на отметке «Рудный», но набухла, готовилась брызнуть во все стороны. На востоке от Рудного находится Степановка, еще дальше – Любавино, где базируется штаб объединенного командования. Но это вовсе не значит, что оно располагает неограниченными силами и способно выполнять любые задачи.

На севере от Новокольского, в селе Шутово стоит ударная группировка луганцев – «Грады», «Акации», «Гвоздики», батарея Д-30, рота «Т-72», две мотострелковые на БМП-2. Даже отдельный реактивный взвод РСЗО «Ураган». Это резерв, остальные части ЛНР находятся западнее, на линии соприкосновения.

Штаб группировки стоит в селе Карпухино, это еще восточнее Шутово. Там находятся командир штурмовой бригады Соколов Борис Евгеньевич, начштаба Бирюков, начальники разведки, артиллерии, связи. В Любавино есть их представитель. Почему они расположились в Карпухино, не совсем понятно. Это не самая выгодная позиция для управления войсками.

Едва начался ночной тарарам, полковник Соколов приказал резерву выдвинуться из Шутово в сторону Никольского. Смысл понятен – перекрыть возможное продвижение врага от выступа на север. Но тем самым он оставил оголенным свой штаб. Впрочем, дело хозяйское, полковнику виднее.

В двенадцати километрах на юг от Новокольского занимает позиции донецкая ударная группировка. Ее северный форпост – село Ветрово, расположенное в девяти верстах от двадцать пятого километра. Отряды ополченцев разбросаны по линии соприкосновения, обладают мобильностью, но не являются чем-то мощным и непоколебимым. Не хватает людей и исправной техники. У украинцев трехкратный перевес в живой силе, пятикратный – в танках, БТРах, орудиях на километр линии фронта. Вся эта армада продолжает прибывать в Новокольское и Рудный.

– Есть изменения в общей обстановке? – хмуро поинтересовался Юдин, отворачиваясь от карты.

– В целом нет, товарищ полковник, – отозвался молодой начальник разведки капитан Удалов. – Противник занял Новокольское, Рудный, выставил усиленные посты на дороге. Он вклинился в наше расположение на двадцать километров, но расширить плацдарм не в состоянии. Укропы зарываются в землю, оборудуют позиции для боевой техники, в частности, для дальнобойных гаубиц, которые пока не подвезли, но скоро они появятся. С установкой этих батарей возникнет прямая угроза Луганску. Товарищ полковник, противник бросает на выступ все, что имеет. Изначально у него было две бригады – моторизованная и аэромобильная, а также танковый батальон и несколько артдивизионов. Сейчас группировка растет. Техника

идет по дороге в Рудный. Танки и БТРы наводнили город, стоят на всех углах. Украинцы знают, что мы не станем утешить населенный пункт, в котором остаются мирные жители.

Командующий задумчиво кусал усы. Не сказать, что все случилось очень неожиданно. Шила в мешке не утаишь. В преддверии очередного раунда минских переговоров Киеву срочно потребовалась победа. Хоть какая-то. Любой ценой.

Уже несколько дней из глубокого тыла к линии фронта подтягивались резервы, причем исключительно боеспособные части с исправной боевой техникой. Большинство из них по какой-то иронии судьбы оказалось в Дубрах. Здесь разгружались эшелоны, прибывающие из разных регионов Украины, сюда стекались автомобильные колонны.

Украинское командование старалось скрывать свои планы, но это был секрет Полишинеля. Ежу было ясно, что что-то назревает. Это не мог быть отвлекающий ход, поскольку на других участках фронта ничего не происходило. Было ясно, что противник готовится к наступлению.

Юдин считал, что он начнет не сейчас, позднее. Части нужно сгруппировать, подтянуть тылы. Полковник ожидал крупную провокацию, которая позволила бы Киеву, как обычно, свалить вину на ополчение, а свои действия объявить вынужденной мерой. Он надеялся, что есть время подтянуть резервы из столиц непризнанных республик, произвести перегруппировку. Но все случилось раньше. Украинские войска отправились в прорыв буквально с колес.

Узнав о вторжении, полковник Юдин не то чтобы удивился, но испытал досаду. «Полководцам» из АТО удалось обогнать его на один шаг. А ведь была отличная идея. Если наступления не избежать, значит, надо обернуть его в свою пользу, нанести Киеву сокрушительное поражение. Властям республик тоже не повредят козыри на предстоящих минских переговорах.

Информация о начале, так сказать, весенней кампании пришла своевременно. Полковник Юдин отдал приказ подразделениям не изображать героизм, но и не бежать от врага, медленно отступать, ведя бой и по возможности избегая потерь. Он знал, что дальше Рудного укропы не пойдут. Глупо растягивать тылы на территории неприятеля. Но кто же догадывался, что враги подтянут такое количество техники и начнут крушить населенные пункты?

– Что у нас с артиллерией, Виктор Викторович?

– Не сказать, что все плохо, товарищ полковник, – сухо отозвался начальник артиллерии подполковник Стояк, весь какой-то высушенный, сутулый, с запавшими глазами и крючковатым носом. – У луганцев две батареи «Акации» и «Гвоздики», батарея гаубиц Д-30, десять «Градов», отдельный взвод установок «Ураган». Артиллерия луганцев понесла потери, но достойно ответила укропам и сейчас рассредоточивается к северу от выступа. Полковник Соколов контролирует своих артиллеристов. У нас те же десять «Градов», «Акации», батарея «Нона», дюжина гаубиц. Кроме того, отдельная танковая рота – тринадцать «Т-72» под командованием капитана Фомина. Часть техники сосредоточена на западной околице Любавино, работает по Рудному, часть дислоцируется в районе Ветрово. Там сложный рельеф местности. Батареи производят залп и отходят в другое место, чтобы не накрыл противник. Обстрелы дороги, по которой движется неприятельская техника, ведутся непрерывно.

– Булавочные уколы! – заявил начальник штаба подполковник Брылин, невысокий, с опухшим от недосыпания лицом. – Точность попадания весьма незначительная, плотность огня низкая. Думаю, укропов эта стрельба не столько пугает, сколько раздражает.

– Согласен, – проговорил начальник артиллерии. – Но эти ребята хоть что-то делают.

– Не то, – резко сказал Юдин. – Нужно наращивать артиллерийскую группировку. В Донецке и Луганске уже знают о прорыве, к нам идут «Грады», САУ. Принимайте технику, Виктор Викторович. Прикажите своим людям прекратить транжирить боеприпасы. Наша задача – охватить вражеский выступ плотным артиллерийским огнем. Любые попытки расширить плацдарм должны пресекаться. От Любавино ни шагу! Штаб эвакуировать не будем.

Дмитрий Михайлович, готовьте диверсионные группы. – Он перевел взгляд на молодого капитана Удалова, начальника разведки. – Только опытных бойцов со всеми необходимыми навыками. Пусть минируют пути прохождения колонн, подрывают штабы, склады с боеприпасами. Противника нужно измотать, сделать так, чтобы у него земля горела под ногами. Пусть нападают на батареи, выводят из строя технику, личный состав. Против нас воюют добровольцы и наемники, рекомендую забыть о жалости. Продумайте вопрос засылки диверсантов-подрывников в Дубры. Подключите местных товарищей. Взрывы на подъездных путях лишними не будут. Пусть начнется неразбериха с разгрузкой эшелонов. Но самая главная задача теперь стоит перед вами, Виктор Викторович. – Юдин строго уставился на подполковника Стояка. – Артиллерия – бог войны. Это сегодня актуально, как никогда. Укрепляйте позиции, ставьте орудия на прямую наводку. Все подходящие резервы сразу запускайте в дело и не распыляйте силы, товарищ подполковник. – Юдин взял со стола обкусанный карандаш и начал водить им по карте. – Вот хутор Листвянка к югу от Шутово. Там неплохая возвышенность. Окрестности Ветрово – тоже местность приподнята, особенно у Волчьих холмов. Район Октябрьской птицефермы к западу от Любавино. На этих рубежах, с использованием складок местности, должна быть сосредоточена наша основная огневая мощь. С означенных позиций мы сможем эффективно обстреливать весь выступ. – Полковник внезапно замолчал, подошел ближе к карте и задумчиво уставился на самое узкое место «капли», район блокпоста на двадцать пятом километре, превращенного укропами в крепость.

Он смотрел на эту «каплю» как-то уж очень придирчиво, с неким затаенным смыслом, в котором, видимо, сам еще не разобрался. Взоры всех присутствующих сконцентрировались на этом участке. Пару минут в штабе соединения царило безмолвие.

Потом начальник штаба подполковник Брылин робко кашлянул и проговорил:

– Полагаю, все подумали об одном и том же, товарищ полковник. Задача амбициозная, да. Особенно учитывая тот факт, что украинцы научены горьким опытом. Я так понимаю, что если мы не можем вбить выступ обратно... – подполковник замялся.

– То должны превратить его в котел, – закончил за него Стояк и криво ощерился.

– Рано об этом думать, товарищи офицеры! – Полковник Юдин поморщился. – Какой огневой мощью вы собираетесь перекрывать это горлышко? Да и пост на двадцать пятом километре тоже далеко не подарок. Сейчас у нас три основные задачи: сделать все, чтобы плацдарм не разросся, усилить артиллерийские группировки на указанных рубежах и провести работу по засылке в Новокольское и Рудное наводчиков огня под видом местных жителей...

Он не успел договорить. Распахнулась дверь, обитая железом, и появился помощник полковника капитан Гнедыш – весь какой-то напряженный, с нервно дрожащими скулами.

– Разрешите, товарищ полковник? Виноват, что отвлекаю. Чрезвычайная ситуация. Десять минут назад штаб луганской бригады в Карпухино подвергся нападению диверсантов! Связист успел доложить. Их много, товарищ полковник, рыл пятьдесят! Вышли из леса и атаковали село. Неизвестно, откуда они взялись. Вертушки линию фронта не пересекали. Там нет наших войск, вы же знаете, все ушли. Остался комендантский взвод, штабисты и все командование бригады вместе с полковником Соколовым.

– Соколов жив? – Юдин впился орлиным взором в помощника.

– Не знаю, товарищ полковник, – ответил Гнедыш. – Ситуация меняется очень быстро. Десять минут назад шел бой, люди Соколова пытались отбиться. Их вроде бы окружили. Связист молчит. Дозвониться до остальных невозможно.

Полковник заскрипел зубами. Неплохо придумал противник. Есть еще в штабах у укропов светлые головы. Под шумок, когда все внимание ополченцев обращено на пухнувший плацдарм, нанести удар двадцатью километрами севернее, с целью обезглавить луганскую группировку! Очень неплохо придумано! Как они прошли? Пешим маршем? Юдин уставился на карту. Почему бы нет? Подразделения ополченцев не могут выстроить живую стену на линии

соприкосновения. Дыр в обороне хватает, каждую не заткнуть. Украинцы по лесам продвинулись на шестнадцать километров на восток, сразу взяли село в клещи.

Офицеры потрясенно молчали, поедали глазами командующего.

– Что делать, Александр Сергеевич? – спросил Брылин и сам же в принципе ответил на вопрос: – Надо вытаскивать своих!

– В распоряжении командования имеется вертолетный отряд. От Любавино по прямой до Карпухино восемнадцать километров на северо-запад. Но по прямой не получится, город Рудный мешает. Капитан, есть кого направить? – спросил Юдин, резко повернувшись к начальнику разведки Удалову.

– Так точно, товарищ полковник, – недолго думая, отозвался капитан. – В резерве отдельная штурмовая рота спецназа капитана Нестеренко. Она расквартирована на улице Гагаринской, при обстреле не пострадала. Парни толковые, у капитана неплохой боевой опыт.

– Я понял! – Полковник хватил ладонью по столу. – Удалов, почему вы еще сидите? Вперед! Всю роту привлекать не надо, хватит двух взводов. Поднимайте вертушки, свяжитесь с капитаном Нестеренко. Вылет через десять минут! Выполнять!

– Есть, товарищ полковник! – Начальник разведки выбежал из помещения.

Глава 3

– Спокойствие, дедуля! – Мужчина в сером пятнистом комбинезоне свободного покроя заступил дорогу испуганному старику в куцей куртке.

Дед собирал в лесу дрова и увязывал бечевой, чтобы удобнее было нести. Увидев автомат, нацеленный на него, и суровый лик диверсанта, разрисованный углем, он выронил вязанку, попятился, судорожно крестясь. У старика были длинные седые волосы, жидкая борода, висящая сосульками. Он кинулся к опушке, до которой было метров двадцать, но мужчина перегородил ему дорогу, деликатно взял за плечи и усадил на подвернувшийся пенек.

– Ты кто такой, дедушка? Миклухо-Маклай? – вкрадчиво спросил военный. – Ладно, не отвечай. – Он доверительно улыбнулся, похлопал старика по плечу. – Откуда сам, из Карпухино?

– Из Карпухино. – Старик лихорадочно закивал. – Карташовы мы, никого не трогаем...

– Да успокойся ты, дедушка, – сказал военный. – Вижу, что местный, дрова собираешь, против действующей власти не выступаешь. Террористы есть в селе?

– Террористы?.. – Старик непонимающе нахмурил лоб. – Ах, ну да. Ушли они, сынок, уехали на двух грузовиках. Остался вроде кто-то...

– Но ты не знаешь, кто именно, потому что не спец в военном деле, – проговорил боец и понимающе кивнул. – Не волнуйся, дедуля, все в порядке, я же просто спросил.

Словно по мановению волшебной палочки, в руке диверсанта появился нож. Он изящно и непринужденно провел лезвием по горлу старика. Несчастный захрипел, схватился за шею, из которой на куртку полилась кровь. Он вздрогнул несколько раз, выкатил глаза и ничком повалился с пенка.

– Ах, как неловко получилось, – донесся насмешливый голос из-за деревьев.

Потом оттуда появился еще один боец в сером камуфляже, неприметный на фоне голых ветвей, земли, усыпанной прелыми листьями и черных горок нерастаявшего снега.

– Ты чисто тимуровец, Влас!.. – Военный тихо засмеялся, давая понять, что одобряет и приветствует действия сослуживца.

Убийца с безразличной миной вытер нож о штанину старика, убрал в ножны. Он распрямил спину, настороженно осмотрел опушку, которую вуалировал щетинистый кустарник. В селе было тихо. Он повернулся к лесу. Автомат покоился на сложенных руках, ноги были широко расставлены.

Мужчине было не больше тридцати пяти. Крупный, с мясистым, гладко выбритым лицом. Серые угольки глаз смотрели цепко, не моргая. Бесшумно раздувались рельефно выписанные ноздри. Лисьей поступью он приблизился к опушке, присел за деревом. Долгий марш-бросок подошел к концу, цель была близка.

Карпухино отделяло от леса небольшое поле, усеянное кочками и горками талого снега. Виднелись хаты, вросшие в землю, покосившиеся ограды. В глубине села над крышей поселковой администрации развевался трехцветный флаг непризнанной «террористической» республики. Чуткое ухо уловило искаженные звуки музыки – работал приемник. Где-то вдалеке монотонно лаяла собака. Канонада на юге отгремела пару часов назад, утро было тихое, безмятежное.

Язвительная усмешка перекосила холеное лицо диверсанта. Он бесшумно отступил в лес, покосился на напарника, присевшего за деревом.

Мужчину звали Влас Верницкий. Он носил звание капитана и командовал разведывательно-диверсионной группой особого назначения, приписанной к добровольческому батальону «Днестр». Второй был его помощник, лейтенант Кирилл Дубник.

Капитан негромко свистнул. Лес пришел в движение, задвигались кочки, ожили лощины, зашелестела сухая листва, не пожелавшая упасть с замерзших ветвей кустарника. К офицерам подходили самые настоящие лешие в каких-то маскировочных лохмотьях, в мягких сапогах, с разрисованными лицами. Люди по привычке выстраивались в две шеренги, равнодушно поглядывали на мертвого старика в луже собственной крови.

– Блюдо под майонезом, – негромко пошутил кто-то.

– В томатной пасте, – поправил другой.

Капитан Верницкий машинально пересчитал личный состав. Сорок шесть вместе с ним и Дубником. Мог и не стараться, никто не отстанет, не сбежит. Люди проверенные, опытные, беззаветно преданные свободной Украине. Никаких проблем с моралью ввиду ее полного отсутствия.

Среди однообразных мужских физиономий выделялась парочка женских. Взгляд капитана непроизвольно замирал на них.

В шесть утра группа, вооруженная автоматами и парой гранатометов, пересекла линию фронта, вошла в лес и растворилась. Бойцы-призраки, обученные бесшумному и незаметному передвижению, ускоренным маршем продвинулись по сложной местности и к одиннадцати часам уже были на месте. Пару раз по ходу марша они случайно натыкались на местных жителей. Участи этих людей можно было только посочувствовать.

– Пять минут отдыха, – скупое сообщил Верницкий, взглянув на бойцов. – Выставить посты. Прунич, Осташко, осмотреть объект.

Два бойца, пригнувшись, побежали к опушке. Через пару минут они уже ползли по полю, сливаясь с кочками и бугорками снега.

Верницкий развернул карту. Попадание было точным. Диверсанты прибыли по назначению.

Капитан отстучал зашифрованную депешу начальству. Мол, прибыли в квадрат, приступаем к операции. «Позаботьтесь о «языках», – пришел ответ. – В случае необходимости за вами вышлют вертолетную группу».

Разведчики вернулись через пять минут с утешительным докладом: войск террористов в селе нет, все ушли и увели технику. Остались офицеры высшего звена, несколько штабистов и недоукомплектованный комендантский взвод.

– Пошли! – лаконично бросил Верницкий.

Это была образцово-показательная акция.

«Призраки» встали в полный рост лишь у самой околицы. Они перебирались через плетни, бежали, пригнувшись. Бойцы стремительно растекались по селу через огороды, крошечные проулки. Пожилая женщина в телогрейке возилась с ведрами у ограды. Она вскинула голову, в глазах мелькнул испуг. Ведро с призывным лязгом выпало из руки. Женщина отшатнулась, открыла рот, но закричать не успела. Идеально заостренное лезвие порвало воздух, перевернулось в полете и вонзилось ей в грудь. Она подавилась, всплеснула руками и упала на спину. Боец перемахнул через плетень и выдернул нож из агонизирующего тела. Вещь нужная, пригодится еще не раз.

– Правильно, Никола, – похвалил товарищ, присоединяясь к нему. – Рыбу убивает открытый рот.

Диверсанты просочились между оградой и сараем и тут же присели за фундаментом. Распахнулась дверь, из дома выбрался зевающий мужик в расстегнутом бушлате. Он держал автомат за цевье, не успел и глазом моргнуть, как перед ним вдруг что-то выросло. В воздухе мелькнул кулак, и ополченец рухнул с раскрытой челюстью.

Несколько секунд диверсанты разглядывали неподвижное тело, прислушивались.

– Добить не хочешь, Никола?

Подельник ухмыльнулся, потирая отбитый кулак, и заявил:

– Бью один раз, Серега. Второй – издевательство над трупом.

Эти люди каким-то нюхом чувствовали, в каких домах есть ополченцы. Они нападали внезапно, били ножами, душили тонкими удавками, чтобы не поднимать шума. Село было небольшое, всего-то с полсотни дворов. Диверсанты сжимали кольцо, подбирались к зданию администрации.

Но не все ополченцы в этот час отдыхали. На пустыре перед сельсоветом стоял «ГАЗ-66». Водитель ковырялся в двигателе. Его напарник сидел в кабине и выжимал акселератор, когда тот матерно что-то выкрикивал. Неподалеку пристроились два «УАЗа» – джип и микроавтобус. Курили мужики при автоматах, в бушлатах, кирзовых сапогах, давно вышедших из моды, с АК-74 на плечах.

Взревел грузовик, из-под радиатора вырвалось облако дыма. Водитель отшатнулся, принялся кашлять. Засмеялись бойцы охраны, страдающие от безделья.

– Предварительные ласки, Петрович? – поинтересовался молодой парнишка со щеточкой усов под носом.

– Заткнитесь там! – проворчал водитель. – А то превращу кому-то репу в тыкву.

Этот парнишка и засек чужаков, подбирающихся к пустырю. Он внезапно побледнел, попятился, скинул автомат с плеча. Тугая очередь пропорола воздух. Но парень уже сидел за «УАЗом» и лихорадочно пытался передернуть затвор. В самый ответственный момент тот, конечно же, подвел!

Пространство вокруг поселкового совета наполнилось суматошной пальбой. Незадачливый водитель пробежал лишь несколько шагов и повалился в пыль. Взметнулись полы бушлата. Его товарищ выпал из машины с пулей в голове и растянулся под колесами.

Охрана здания уже не скучала. Один боец зачем-то прыгнул за руль «УАЗа», другой катался по земле, пытаясь дотянуться до выпавшего автомата. Он подтянул к себе колено и рухнул вниз лицом, обливаясь кровью.

Ополченцу в машине удалось завести мотор. Он и сам, наверное, не понял, куда собрался ехать. Шквал огня ударил по машине, разбил стекла, фары, оторвал бампер, продырявил колеса. Отлетела крышка капота, из двигателя повалил густой дым. Мертвого водителя, словно гвоздями, прибило к спинке сиденья.

Молодой парнишка корчился за задним бампером. Он сумел сохранить самообладание, справился с затвором, выставил автомат наружу и принялся долбить в белый свет, не видя мишеней. Потом юнец оттолкнулся от земли, рванул к спасительному крыльцу, но немного не добежал. Простреленные ноги переплелись, и он рухнул на грязный снег.

Диверсанты приближались, перебегали за деревьями, поливая здание свинцом. Информация оказалась точной. Все ополченцы, оставшиеся в Карпухино, находились в поселковой администрации, включая комендантский взвод. Лишь отдыхающая смена почивала в хатах.

За несколько минут люди Верницкого без потерь блокировали здание и стали сужать кольцо. Из окон вылетали стекла, доносилась крепкая ругань. Внутри царил суматоха.

Несколько ополченцев – один из них был вооружен пулеметом РПК, – не разобравшись, выбежали из здания. Укропы нащипгивали их пулями под завязку. У этих людей не было ни единого шанса. Вся группа легла на крыльце, загромоздив проход.

Диверсанты подбирались все ближе, прятались за машинами, за клумбами, усыпанными прошлогодней листвой. Кто-то из них метнул гранату.

Она взорвалась на крыльце, разметала мертвые тела.

Пример оказался заразительным. Со всех сторон в здание полетели гранаты. Они взрывались под фундаментом, увечили стены. В выбитых окнах мелькали растерянные лица. Осажденные пытались отстреливаться, но это было невозможно. Все проемы небольшого двухэтажного строения находились под огнем. Кто-то внутри получил пулю, выл от боли, матерился.

– Волость, Волость, я Касатка! – надрывно орал связист ополченцев. – Где вы, вашу мать?!

Капитан Верницкий стоял за деревом и спокойно курил. Ситуация контролировалась. Три десятка его бойцов под присмотром лейтенанта Дубника окружили загнанного зверя. Остальные рыскали по поселку и выискивали ватников, спрятавшихся в домах. Судя по пальбе, кое-кого они находили.

Резиденцию сельской власти окружило плотное облако дыма. Колорады, заблокированные в здании, приходили в себя, начали огрызаться автоматными очередями. Их силуэты мелькали в окнах. Кого-то косили пули, кому-то удавалось отстреливаться.

Сержант Меляга поднялся, чтобы перебежать поближе к крыльцу. Со второго этажа тут же простучала очередь. Хлопец ткнулся лбом в землю.

Капитан Верницкий скрипнул зубами. Не комильфо терять людей, в подготовку которых вбуханы громадные деньги! Свинцовый рой влетел в окно, но стрелок уже спрятался.

А дальше было еще неприятнее. Поднялись сразу четверо, чтобы добежать до здания, укрыться в слепой зоне. В окне первого этажа объявился пулеметчик с РПК. Он не успел начать стрельбу, свалился замертво. Но пулемет перехватил какой-то бородач с перекошенным лицом, и у него получилось ловчее. Он дал длинную очередь, прежде чем рухнуть ниц. Двое подстреленных диверсантов завертелись как мухи, которых толком не раздавили.

Верницкий досадливо сплюнул. О чем они там думают?!

Снова разгорелась стрельба. Обороняющихся осталось мало, но они продолжали отстреливаться.

Ударил гранатомет, за ним другой. Взрывы прогремели на обоих этажах. Рушились стены, сыпались кирпичи, доски. Вспыхнул утеплитель стен, за ним – деревянные перекрытия. Здание сверху донизу охватило пламя, но осажденные не собирались сдаваться. Те, кто выжил, скопились в уцелевшем помещении на первом этаже. Оно выходило на задний двор.

Ополченцы пошли на прорыв! Из густого дыма, кашляя, сбивая с себя пламя, появлялись люди.

Они выпрыгивали из окна, падали за кустарник, стреляли, потом поднялись и со страшными криками кинулись в атаку! Их было около дюжины – обгоревших, грязных, обливающихся кровью. Несколько штабистов, бойцы из комендантского взвода.

Двое дюжих парней прикрывали невысокого мужчину в закопченном камуфляже. Рослый парень с непокрытой головой, одетый в гражданское, тащил на себе раненого товарища.

Такого демарша диверсанты не ожидали. С тыльной стороны здания их было не так уж и много. На них неслись озверевшие дикари с перекошенными лицами, изрыгая грязную матерщину. Украинцы убили двоих выстрелами в упор и стали пятиться. Тут-то их и смяли, словно фанерную перегородку! Били кулаками, прикладами, пинали ногами. Усатый ополченец схватил автомат, выпавший из рук ошеломленного врага, и принялся поливать диверсантов огнем.

Выжившие ополченцы продолжили прорыв, пробежали убогий скверик, вынеслись на пустырь. Диверсанты опомнились, стали выскакивать из-за угла поселковой администрации. Раненому ополченцу очередь пропоролла спину. Он свалился с плеч своего долговязого товарища. Тот тоже упал.

Усатый ополченец прикрывал отход товарищей. Он метался между деревьями, выдавал короткие очереди, экономя патроны, злобно смеялся, когда в кого-то попадал.

Закричала женщина, находившаяся среди диверсантов и одетая, как мужчина. Очередь из автомата кучно попала ей в грудь, деформировала бронежилет. Она захлебнулась воплем и умерла от болевого шока.

Ополченец удивленно высунулся из-за дерева. Надо же, не заметил. Какими судьбами, бабонька? Пуля прошла его висок, вышла насквозь, покорябала дерево. Ополченец сполз по стволу, неловко сел и уставился затуманенными глазами на врагов, подбегающих к нему.

Выстрелы и крики быстро отдалялись. Здание администрации продолжало гореть. Внутри рушились стены, с треском прогнулась крыша.

Капитан Влас Верницкий обогнул его, опасливо косясь на козырек, охваченный огнем. На пустыре за зданием валялись мертвые тела, стонали раненые. В крохотном сквере тоже лежали люди. Основная часть отряда ушла догонять прорвавшихся ватников, несколько человек остались здесь.

Хлопнул выстрел. Милосердный боец прикончил искалеченного приятеля, который порывался куда-то ползти. Двое возились со своим раненым, у которого были все шансы уцелеть. Тот скрипел зубами, выл. Обе его левые конечности были прострелены.

За деревьями, в глубине улицы, снова разгорелась стрельба. Верницкий предпочел не гнуть спину, да и опасности не было. Пули сюда не залетали. Он брезгливо обогнул отброшенную руку мертвеца. Царствие небесное рядовому Пруничу.

Тут к нему подбежал помощник лейтенант Дубник, отдышался и доложил:

– Влас, они не ушли далеко. В конце улицы кирпичный гараж кто-то строил, довел до крыши и бросил. Наши наперерез вышли. Колорадам пришлось забраться в этот гараж. Одного мы подстрелили, они его с собой затащили. Семеро их осталось, командир. Мы их окружили, блокировали, никуда не денутся.

– Соколов с ними?

– С ними, – подтвердил помощник. – Там еще парочка начальников. Кретины, блин!.. – Кирилл презрительно сплюнул. – У нас тоже потери, Влас. Четверо убитых, пятеро раненых. Жанну завалили, суки. – Он кивнул на мертвую женщину с короткой стрижкой, которая лежала посреди пустыря, разбросав руки. – Ольга клянется, что всех порвет к такой-то матери.

– Отставить! – Верницкий нахмурился. – Никого не рвать! Смотри, чтобы Соколову и его свите хлопцы шкурки не попортили. Все понятно?

– Так точно! – Дубник манерно щелкнул каблуками и убежал.

– Полюбуйтесь, командир, какого хлопчика поймали, – прохрипел вспотевший боец, подтаскивая за шиворот бледного долговязого парня в штатском.

У того было прострелено бедро, он с трудом опирался на ногу, с которой стекала кровь.

– Вместе со всеми в здании отсиживался, шкура. И в бега пошел с ватниками. Активист-сепаратист, гнида продажная!.. Да стой ты прямо, холера! – Он треснул несчастного парня по лбу. – Танцуешь тут, падла, как балерина на льду!

– Бледненький-то какой, – проговорил Верницкий, прикладом приподнимая подбородок парня.

– Цвет мокрый асфальт, – заявил боец. – И куда прикажете его отправлять? В преисподнюю к подельникам? Заждались, поди.

– Может, он признает свою вину, искренне раскается? – язвительно предположил Верницкий, поднимая приклад так, что у парня закатились глаза. – Ты кто, хлопец? Говорить умеешь? За сколько проданся москалям? Стрелял в украинских солдат?

– Ага, из перфоратора, – прохрипел парень. – Я стенку им ломал в штабе, мелкий ремонт делал.

– Что же ты, сука, их раненого тащил, прямо как своего родственника? – ехидно осведомился боец.

– Сам ты сука, – прохрипел парень. – Это и есть мой родственник. Двоюродный брат по материнской линии. Герр офицер, вы с ранеными гражданскими воюете?

Толку от этого мастерового не было никакого. Пустое место, недочеловек. Верницкий перевернул автомат, нажал на спуск, одновременно отпрянул. Пули порвали нижнюю челюсть, посыпались зубы, брызнула кровь.

Парнишка скончался не сразу. Он рухнул на спину, дрожал, что-то шипел изувеченным ртом. Нижняя часть лица превратилась в кровавую кашу. В глазах застыла тоска по своей короткой жизни.

– Ловко вы его, командир! – восхитился боец. – Живой мертвец. Я только в кино такое видел.

Центр событий смещался к недостроенному кирпичному гаражу, торчавшему недалеко от свалки. С востока тянулся глубокий овраг, сразу за ним возвышался лес. В окрестностях находились несколько заброшенных строений, два ряда сараев, жались кучками деревья. Местность была изрыта так, словно по ней прошла гигантская оборона.

Диверсанты, разозленные гибелью товарищей, ползли по рывинам и канавам. Из гаража, зияющего голыми проемами, били одиночные выстрелы. Ополченцев снова загнали в ловушку. Теперь их осталось совсем мало, но они не сдавались.

Кто-то из диверсантов метнул гранату для остротки. Она не долетела до гаража, взметнула щебень и битый кирпич. Выстрелы оборвались, повисла тишина. Иногда ее нарушало натужное сопение. Диверсанты упрямо ползли к объекту.

– Граждане ватники, сдавайтесь! – проорал кто-то. – Гарантируем жизнь и трехразовое горячее питание!

Хлопцы, лежащие рядом, похабно заржали.

– Сильно бить не будем! – добавил второй.

– Мягкую постель и девушек не обещаем! – сострил третий. – Но секс будет!

– Эй, колорады хреновы, выходите! А то понесут вас с оркестром!

– Не понесут! Нечего тащить будет!

– Полковник Соколов, вы здесь? – отрывисто выкрикнул Верницкий. – Может, прекратим это бессмысленное кровопролитие? Заявляю ответственно: вам и вашим людям гарантирована жизнь! Вы предстанете перед справедливым украинским судом и получите именно то, что заслуживаете, никак не больше!

– А на хрен не пойдешь? – резонно поинтересовался кто-то из гаража.

Бравые украинские хлопцы возмущенно зароптали. Верницкий задумался. Несколько гранат в принципе решили бы проблему. Забросать к ядреной фене, и готово. Или пара выстрелов из гранатомета. В итоге семь хорошо прожаренных шашлыков и никаких лишних потерь. Но трупы – это совсем не то. Хорошо, как говорится, но мало. Практически вся верхушка луганской бригады – вот она, сидит и ждет, пока ее заберут. Это зависть и уважение коллег, перспективы по службе. Можно, конечно, взять измором, уговаривать сдаться, все такое. Но есть и другой вариант: взмахом руки послать бойцов на штурм с приказом брать живыми. Капитан потеряет еще двух-трех солдат, но статистику это не испортит.

– Бойцы, вперед! – прорычал Верницкий из-за дерева. – Офицеров брать живыми!

Глава 4

Две транспортно-десантные вертушки «Ми-8Т» вывалились из-за леса и на малой высоте пошли над полем. Они подходили к объекту с подветренной стороны, из-за холмов, но все равно рисковать не стоило. Высадка планировалась за три версты до Карпухино, чтобы треск двигателей не дошел до вражеских ушей.

Капитан Олег Нестеренко находился в головной машине и мрачно смотрел в иллюминатор на унылые пейзажи. В полях растаял снег, хотя до весны еще было далеко. Последний зимний месяц только начался. На лесных опушках, особенно в тени, еще что-то белело, но уже приобретало малосимпатичный сероватый оттенок. Согласно прогнозам, зима, как и украинская армия, собиралась вернуться в этот район.

К обещаниям синоптиков, а тем более к действиям противника ополченцы всегда относились с иронией, но на сей раз настроение у них было не самым лучшим. Из штаба объединенной группировки поступил приказ. В Карпухино вражеские диверсанты. Надо срочно спасать командование луганской бригады, умудрившееся остаться без резервов и даже без охраны! Первый и второй взводы живо на вертушки при полной экипировке! В полете ознакомиться с картой местности и составить план действий. Времени нет, товарищи погибают!

За десять минут оба взвода в количестве сорока двух человек прибыли на вертолетную площадку, расположенную за средней школой, на месте хоккейной коробки. Экипажи уже разогревали двигатели. Бойцы загружались с колес, по взводу в каждую вертушку, рассчитанную на двадцать восемь пассажиров.

Всего за полчаса до этого Олег ругался с дворником по поводу льда, не убранного с крыльца барака-казармы. Невероятно, даже здесь таджики!

Ему позвонил на сотовый Андрюха Фомин, командир отдельной танковой роты, и дрожащим голосом сообщил:

– Олежка, помнишь девчонок, у которых мы зависли в госпитале? Ну, Олеську и Оксанку. Нас еще подполковник Стояк спугнул, а потом эта катавасия началась. Нет их больше, Олежка, наших девчонок. – Андрюха чуть не плакал. – Когда укрупы обстрел начали, несколько снарядов попали в больницу. Они с ранеными возились, как раз тяжелых привезли. Всех накрыло одним снарядом. Девчонок потом из-под завалов по частям доставали. Головы, руки и туловища – все отдельно. Безумно жалко, Олежка. Такие хорошие были, а мы их даже порадовать перед смертью не успели.

Олег делал вид, что все нормально, с кем-то говорил, ругался, а у самого душа цепенела, покрывалась коркой льда. Девчонки как живые стояли перед глазами, залиvisto смеялись над шутками Фомина, маленькими глоточками пили коньяк, потешно потирали курносые носы, вместо того чтобы закусывать. Он до сих пор чувствовал, как Олеся прижималась к нему, ласкала томным взором. Пусть вместо Олега пришел бы кто-то другой, ну и что с того? Кому не хочется любви на войне, пусть короткой, хотя бы на часок-другой? Настроение испортилось, а тут еще диверсанты в Карпухино.

Местность капитану была знакома, он освежил ее в памяти по карте, провел в полете краткое совещание со своим заместителем Славиком Вербиным и командирами взводов лейтенантами Серегой Максимовым и Саней Федорчуком. Инструкции были несложными, офицеры все впитали, вопросов у них не возникло.

Можно и покемарить. Уже посапывал старший лейтенант Вербин – худой, светловолосый, небольшого роста. Зевал, но не рискнул заснуть говорливый, но толковый Максимов, молодой, с густыми черными волосами и забавной детской челкой, нередко становящейся предметом насмешек. Смотрел в пространство спокойный, как удав, немногословный Федорчук, тридцатитрехлетний кряжистый дядька с короткими русыми волосами.

Бойцы сидели вдоль бортов. Плотные комбинезоны, бронежилеты, черные вязаные шапочки. Экипированы по полной программе – АКСы, гранаты, по одному РПК и РПГ-7 на взвод. Проверенная, надежная команда, других в спецназ не берут. Людям от двадцати пяти до сорока лет. В прошлой жизни все служили в спецподразделениях – российских, украинских, белорусских. Среди солдат был казах Абдыкадыр Курбаев, эстонец Гуннар Валле.

Во втором взводе имелась даже подлинная экзотика – четверо самых настоящих испанцев, прибывших из Кордовы. Ребята забавные, говорливые, обожающие жестикулировать. Хорошие специалисты, служили на родине в силовых структурах, хотя из них лишь Пабло Кармона знал русский язык.

Его деда с бабушкой и маленьким отцом вывезли из Испании в Союз во время гражданской войны, в тридцать девятом году. Они жили в столице, отец вырос, женился в семьдесят пятом на москвичке с испанскими корнями. В восьмидесятом уехали на историческую родину. Там и появился на свет Пабло.

Неудивительно, что он прилично знал русский, да и стране симпатизировал. Когда началась заваруха в Донбассе, Пабло бросил свое полицейское спецподразделение, огородами пробрался в Донецк, да еще и трех приятелей с собой прихватил.

Андрес Дюран, Хорхе Флорес, Мигель Ортега по-русски ни «бэ», ни «мэ». Кармона был при них за переводчика. Но воевали ребята охотно и умело. Нестеренко старался беречь испанцев, не посылать в самое пекло, и это весьма обижало парней.

Вертолет заложил вираж на левый борт и основательно встряхнулся.

Второй пилот объявил:

– Готовность три минуты!

Никаких эмоций это объявление не вызвало. Спецназовцы и так всегда готовы. Можно поспать еще три минуты, подумать о насущном или просто отдохнуть.

Вадим Кучеренко, обладатель самой заурядной внешности, если не замечать здорового родимого пятна на скуле, давил кнопки телефона, гоняя по экрану страшноватых солдатиков. Подтянутый Горгулин насмешливо взирал на Читайло, сидящего напротив. Они вместе прибыли воевать из Горловки. Читайло был единственный в роте, кому перевалило за сорок. Какой-то мятый, невысокий, на вид нескладный, он извлек из кармана небольшой молитвенник, нашел нужную страницу и внимательно изучал ее, шевеля губами.

– И чего это мы тут читайло? – поинтересовался шалопай Мишка Фендик, сидящий рядом с ним, и подмигнул ухмыльнувшемуся Горгулину.

Потом он подался к плечу соседа, всмотрелся, и глаза его расширились от удивления. Фендик недоуменно глянул на Горгулина.

Тот кивнул, словно подтверждая, что Мишке не почудилось, и заявил:

– С Пал Палычем бывает. Может, к смерти готовится, боится, что в ад попадет. Или выясняет у Господа, как ее, костлявую, обойти. Он всегда такой.

– Русские в ад не попадают, – проговорил Мишка Фендик. – Им и так по жизни достается больше всех. А Бог не Яшка, видит, кому тяжело.

– Правильно, Фендик, – сказал командир первого взвода Максимов. – Русские после смерти попадают только в рай. Скоро они проведут там референдум и присоединят его к Российской Федерации.

Спецназовцы грохнули. Читайло оторвался от молитвенника и недоуменно посмотрел на окружающих. Мол, что за бессовестные лица?

Мишка шутиливо толкнул его в бок. Дескать, твоя моя решительно не понимать. Затем он встрепенулся и рассказал на весь салон короткий, но свежий анекдот. США разместили в Литве девять танков «Абрамс». Хотели десять, но один не влез. Спецназовцы снова смеялись.

Открыл глаза светловолосый эстонец Гуннар Валле, сидящий в глубине салона, и как-то осуждающе уставился на Мишку.

«Хорошо, что не кавказец, – подумал Олег. – А то сразу бы за нож – и кирдык Мишке».

Под «крылом» вертолета распахнулась низина, заросшая лесом. Машины шли на малой высоте, едва не касаясь крон деревьев. Оознавательные знаки на бортах отсутствовали. Впереди уже маячил пологий лесистый склон, переваливать через который решительно не стоило, чтобы не выдать себя.

Воевать в последнее время становилось труднее. Украинская армия не делалась непобедимой, но в ней появлялось серьезное вооружение, в том числе и американское. В основном это были системы борьбы с бронетанковой техникой, противотанковые радиоуправляемые комплексы нового поколения. Низколетящие цели они тоже могли поражать. Оператор сидел в укрытии и управлял устройством через объектив видоискателя. Или еще хуже. Производился захват цели, и ракета сама без проблем ее находила, а оператор в это время мог выйти покурить. Ракета летит по дугообразной траектории. Ей безразличен рельеф местности и препятствия, встречающиеся на пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.